

САГА О ВИДАРЕ

18+

Грегор Замза

Сага о Видаре

<https://litres.ru/74673174>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это жёсткая, тёмная история о человеке, который любил свою жену больше жизни — и потерял её в один страшный день. С этого момента его мир треснул: голоса, видения, шёпот мёртвых ведут его сквозь войну, плен и боль. Он идёт через всё — через кровь, безумие и тьму, — потому что не может отпустить. А когда кажется, что месть свершилась, оказывается, что смерть — не конец, а лишь дверь. Мистическая история о любви, которая сильнее проклятия, и о том, что души находят друг друга даже за гранью живых.

Грегор Замза

Сага о Видаре

Листья крапивы, острые, как лезвия старинных пил, резали его босые ноги. Каждый шаг был пыткой. Ступни были в кровавых полосах, будто кто-то аккуратно, срезал с них кожу, они стали частью леса — земля, грязь, сок растений, кровь — всё слилось в коричнево-красную корку, как будто он уже не человек, а корень, выползающий из-под земли.

Обессиленный, он рухнул в высокую траву. Она обняла его, как мать, прижав к прохладной земле. Трава была мягкой, чуть влажной от утренней росы, и пахла чем-то древним.

Сон пришёл мгновенно. Не как отдых. Как погружение.

Он не просто заснул — он исчез. Всё, что было — боль, страх, голод — растворилось в темноте. Утро пришло с золотом.

Солнце, как раскалённый клинок, вонзилось сквозь окно прямо в его глаза. Он открыл их — и сердце его наполнилось теплом, почти детской радостью. В доме пахло хлебом, мёдом, дымом камина. Запахи, что не могут обмануть. Запахи дома.

Он сел на кровати. Деревянные доски скрипнули под ним, как всегда. Занавески, вышитые её руками, колыхнулись от лёгкого ветерка. А на кухне — она. Его жена. Стояла спиной,

резала лук. Руки двигались плавно, но... неправильно. Как у куклы, чьи нити тянут чужие пальцы. Каждое движение — механическое. Без души.

Он тихо встал. Аккуратно подойдя он приобнял её за талию, его пальцы ощутили тепло человеческого прикосновения, но его жена, обычно нежная и ласковая, даже на мгновение не отвлеклась. Обнял её за талию. Попытавшись несколько раз позвать её по имени, и оставшись без ответа, он резко одёрнул её.

Её глаза... Их не было. Две чёрные впадины, глубокие, как колодцы, ведущие в никуда. Кожа — бледная, с сероватым оттенком, как у тех, кого долго держали под водой. А губы... Губы растянулись в улыбке — не человеческой, не живой, а бесовской, злобной, будто вырезанной на лице ржавым лезвием. Улыбка, что не могла принадлежать никому, кроме кошмара.

Из груди его будто вырвали сердце. Он пошатнулся. Сделал шаг назад. Потом ещё один. Ноги не слушались. Казалось, земля под ним стала вязкой, как болото.

Она медленно повернула голову. Без глаз. Без взгляда. Но видела.

— Солнце... — дрожащим голосом прошептал он. — Где... где наш сын?

Она подняла руку. Медленно, с неестественной грацией. Указательный палец вытянулся, как костяной кинжал, и указал на дверь.

Он пошёл к выходу. Спина горела от её взгляда, которого не должно было быть. Дверь захлопнулась с грохотом — будто живая, будто дом дышал и смеялся.

Он колотил в неё. Кричал. Рыдал. Но дверь не поддавалась. Она стояла, как монолит, как часть скалы, вросшая в землю.

И вдруг — смех.

Чистый. Радостный. Мальчишеский.

Он обернулся.

В поле что распласталось желтым озером перед их домом играл с верным псом его сын, он излучал детскую ясность и радость, излучая любовь ко всему живому.

Сердце вспыхнуло надеждой. Ингвар побежал. Кричал: — Сынок! Сынок!

Попытки приблизиться к его сыну оказались бесцельны, каждый шаг не то что не сокращал расстояние, а только отдалял мальчика от его отца, то все напоминало жуткий сон, в котором не можешь двигаться.

Упав в Высокую траву, он услышал аромат палёного дерева что раздался позади него, обернувшись он увидел свой дом. Багровое пламя жадно поедало его, быстро застилая собой окна и крышу, порождая дым и заставляя небо сокрыться в его тьме.

Вопль рожденный болью раздался из пылающего дома, этот вопль пробудил в его сердце смелость, преодолев огонь, дым и гарь, он ворвался внутрь, выбив дверь

...

Последние лучи уходящего солнца коснулись его лица заставляя пробудиться от пугающего сна. Глаза медленно открылись. Он услышал нечто давно забытое, но странно знакомое — тихое, чистое пение.

Над ним, на ветке старого дуба, сидела маленькая птица. С оперением голубоватого оттенка, будто схваченная в кон капли утреннего неба. Видел однажды, в далёкой юности, когда заблудился в лесу. Тогда он брёл бесконечно, пока не услышал её песню. И сел, он слушал ее несколько часов без остановки. Время исчезло. Только голос птицы, завораживающий, как заклинание.

А теперь — снова она. Маленькая птица, которую почти никто не видел. Создание, что избегало людей, пряталось в глубинах древних лесов, где царила тишина и вечность.

Жужжание насекомых отвлекло его. По поваленному стволу ползла цепочка ярких букашек, словно живые искры. Вечерний свет играл в листве, окрашивая всё в золото и медь. Перед ним возвышался огромный дуб — многовековой, царственный. Его корни, как змеи, уходили в землю, а ветви, мощные и древние, закрывали небо. Каждое его кольцо — год боли, войны, любви. Но беглец не видел величия. Сейчас его разум был пуст. Голод рвал внутренности, как зверь.

Он встал, огляделся. И увидел кусты. На них — белые ягоды, мелкие, блестящие, как слёзы. Он не знал, съедобны ли

они. Но голод взял вверх над рассудительностью. Он жадно набросился на них, запихивал в рот, пока желудок не свело судорогой, пока мир не закружился перед глазами. Когда боль ушла, он побрел дальше. Ночь сползала с неба, как чёрная вода. Тьма поглощала лес, и время начало растягиваться, как резина. Минуты превращались в часы. Часы — в вечность. Он начал терять ощущение реальности.

И вдруг — ощущение. Он не один.

Обернувшись, между деревьев ему померещилось движение двух зелёных огоньков, напоминающих кошачьи глаза смотрящие в ночи.

Замерев в ожидании, он начал замечать что количество огоньков стало увеличиваться. Пока они плотной стеной не разродились между деревьев, оставив лишь тропу перед ним. Страх и паника окутали его, ощущение словно его что то поджидает и что то большее идет за ним.

И тут мир изменился.

Время исчезло появилось ощущение что пространство вокруг него и он сам сливается со всем сущим и всем что он может видеть сейчас и видел когда либо, тысячи мыслей одним разом ударили по его голове. Лес, небо, трава, он сам — всё слилось в единое, пульсирующее сознание. Он стал частью леса. Лес стал частью него.

Внезапный вой разодрал бред который окутал его, этот рев не был похож не на одно знакомое человеку животное, больше напоминало хор измученных людей, плач младенцев,

дикого смеха .

Этот рёв не принадлежал нашему миру, что-то другое, что то что радовалось со всех сторон и не было возможности определить откуда именно он радовался.

Упав и схватившись за голову он закричал.

И вдруг — тишина. Оглушающая. Полная. Как если бы весь мир перестал дышать.

Медленно поднявшись и начав аккуратно ступать дальше, он заметил что зелёный огонёк стал приближаться, вдруг откуда то издали раздался приближающийся топот, но какой то неправильный, слишком частый. Слишком... неправильно.

Из тьмы вышло существо. Три метра ростом. Похожее на коня, но с шестью ногами. Вместо головы — человеческое тело, перевёрнутое, с жвалами, торчащими из груди, как у гигантского муравья. На спине — олени рога, длинные, ветвистые, как корни древнего дерева. По телу — металлические диски, соединённые цепями, звенящие при каждом шаге. Оно двигалось уверенно.

Ингвар бросился бежать. Сердце колотилось, как в барабане. Он не оглядывался. Лишь мысль — они идут.

Выюежав из леса он увидел берег, добежав до него, он споткнулся и упал, сильно ударившись головой. Обернулся. Из леса выходили они, выходили мертвецы, они смеялись, пели, На их телах, как цветы смерти, раскрывались чумные бубоны. Земля под их ногами увядала. Трава чернела. Деревья скрипели, как в агонии.

А за ними — другие. Существо с девятью человеческими руками вместо ног, кожа — как кора дуба, глаза зашиты, язык свисает до земли, а вокруг — туча насекомых. Другое — в чёрном балахоне, с шеей, как змея, и головой старухи, полной злобы. Они приближались.

Ингвар понял: Это конец.

Но вдруг раздался нежный и хорошо знакомый ему голос — Любовь моя... И увидел, что все чудовища опустили головы и пали на колени. Среди них, шла она. В белом платье, в котором они обручились. От неё исходило золотое сияние, как от солнца, падающего на воду. Она плыла над землёй. От поступи её на земле распускались цветы.

Она подошла. Подняла его. Прикоснулась к лицу.

— Пусть буду я отомщена тобой, — сказала она. — Твой путь будет долгим. Тяжёлым. Но ты пройдёшь его. Я с тобой. Я не уйду. Как обещала. И будем мы вместе... во веки веков. Поцеловала. Слезы её упали на его щёки — как капли света. И он закрыл глаза.

Пламя в сердце

С воплем вскочил он — как утопающий, хватающийся за последний вздох. Глаза распахнулись, зрачки сужены от резкого света ударившего в глаза.

Вокруг — шатёр, пропитанный запахом крови, пота и лекарственных трав. На земле — окровавленные бинты, как лепестки сорванных цветов. Несколько раненых мужчин лежали на лавках, кто-то стонал, кто-то молился, кто-то про-

сто смотрел в потолок, будто уже умер, но тело ещё не знало об этом.

В углу — крупный мужчина в кожаном фартуке, почерневшем от засохшей крови. Он стоял полубоком, мыл руки в грубо сколоченном умывальнике. Вода в тазу была мутной, с багровыми разводами.

— А, проснулся, — произнёс мужчина, не оборачиваясь. — Вижу, что тебе уже лучше. Всю ночь ты бредил. Не давал мне спокойно оперировать. Рассказывал про рогатых коней... про старух с девятью руками... — Он наконец обернулся, вытер руки о тряпку. — Всё, как в сказке для маленьких детей. Только ты — не ребёнок. Ты почти умер.

Голос его был сухим, но не злым. Скорее — весёлым. Как у того, кто слишком часто смотрит в лицо смерти и уже перестал удивляться.

— Кто ты? — спросил Ингвар, голос его был хриплым, будто он не говорил годами.

— Меня зовут Франц. Я врач. — Он усмехнулся. — И, кстати, тебе следовало бы начать с «спасибо». Я вытащил тебя с того света. Ещё пара часов — и ты бы ушёл вслед за своими видениями. Отравление ягодами. Тебе очень повезло — у меня был антидот. А у тебя — железная печень.

— Как я сюда попал?

— Тебя нашли воины под утро. Пошли поить коней у озера. И вдруг — ты, лежишь на пирсе, но ещё дышишь. — Франц пожал плечами. — Честно говоря, мне странно.

Обычно они не спасают всех подряд. А тут — спасли тебя. Видимо, что-то в тебе их зацепило. Может, ты им напомнил кого-то. Может, это знак. Ты бы их поблагодарил. К тому же, без их разрешения из лагеря тебе не выйти.

— Хорошо, — кивнул Ингвар. — Где мне их найти?

— За тобой придут. А пока — отдыхай. Признаюсь, я удивлён. Думал, ты пролежишь без сознания пару дней. Но ты, как кот, девять жизней. Живуч. А мне пора. Ещё трое умирают от гангрены.

Широким шагом, Франц вышел из шатра, оставив за собой запах дёгтя и смерти.

К вечеру, когда тени начали сгущаться, как дым над костром, в палатку вошли трое. Широкоплечие. Молчаливые. Одеты одинаково: чёрные брюки, заправленные в тяжёлые сапоги, которые грохотали по земле, как боевые молоты. Рубахи — того же цвета, но на запястьях вышиты узоры из красных цветов. Кровавых. Будто кто-то размазал по ткани свежие раны. На бедре у каждого — меч.

Один из них подошёл к лавке, где лежал Ингвар, и сильно пнул её.

— Просыпайся.

Ингвар открыл глаза и сел чтобы осмотреть их, он ещё не совсем понимал где он и что происходит.

— Вставай, бедолага, — сказал тот, что пнул. — С тобой хотят поговорить.

Они повели его сквозь лагерь.

Частокол, как клетка, охватывал всё пространство. Деревья срублены. Земля утоптана. Воздух — пропитан запахом железа и пота.

Псы. Много. Огромные, с клыками, как у волков. Их травили друг с другом — для боев, для устрашения, для тренировки. У всех — одна примета: на шкурах — зелёная краска. Как знак. Как клеймо.

Ингвар шёл, оглядываясь. И вдруг — сердце сжалось.

Вдалеке, на холме, возвышался замок, старый и мрачный, это был замок правителя местных земель, шпили замка словно длинные пальцы растущие из под земли уходили высоко в небо.

— Что это? — спросил он, указав на громадный обрубок дерева посреди лагеря.

На нём не было ни одной ветки. Кора ободрана. А на вершине — металлическая баранья голова, блестящая, как новая. Глаза — из красного стекла. Смотрели прямо на него.

— А ты угадай, — усмехнулся один из охранников.

— Никогда такого не видел, — честно ответил Ингвар.

— Это таран, — буркнул рыжий. — Будет тараном, когда соединят с ходовой частью.

— А ты вдруг умный стал? — резко бросил смуглый, шедший слева.

— Может, и так, — огрызнулся рыжий. — Только не твоё дело.

— Заткнитесь, — громко рявкнул седоволосый, идущий впереди.

Голос его был как удар хлыста. Спор утих мгновенно.

Длинные волосы свисали по его мощной шее. Мясистый нос. Маленькие глаза. На вид — не больше тридцати.

— Да, — сказал он. — Рыжий прав. Это таран. — Он оглянулся на Ингвара. — И ты скоро узнаешь, зачем он нужен.

Они прошли мимо центрального шатра. Над ним развевался флаг. На чёрном фоне флага Горело огнём багровое солнце, которое поедал волк

Символ показался очень и очень сильно знакомым для Ингвара, но вот где он его видел он вспомнить не мог.

Седой снова остановился.

— Слушай, — сказал он, понизив голос. — Сейчас ты войдёшь к тому, кто тебя спас. Ты ему должен. Мы не знаем, что он в тебе увидел. Но он хочет с тобой поговорить. Так что прояви уважение. И думай, прежде чем открывать рот.

— Пропустите, — громко произнёс седой у входа. — Он к Зигфриду.

Трое остались у шатра. Внутри — около десятка воинов в чёрных кирасах, стояли молчаливо подобно медным статуям, стояли молча внушая страх своим видом. А в центре — на ковре, расшитом змеями, — лежал он. — А вот и ты, — раздался голос.

Мужчина поднял голову. На нём — одежда лагеря: чёрное, багровое. Но пошито с изысканностью. Серьга в левом

ухе — из чёрного серебра. Голова наголо обрита на солдатский манер.

— Да проходи же, чего встал? — Он усмехнулся. — Ты этих страшил испугался? — Он кивнул на охрану. — Не бойся. Они не укусят. Если я не прикажу.

Он кивнул — и Ингвар сел напротив.

Шатёр был богато обставлен. Сундуки — закрыты на три замка. На стене — карта, утыканная булавками. А в конце — доспехи. Не просто доспехи. Доспехи вождя. Позолоченные. С выгравированными символами. Слово, вырезанное на груди: "Пламя".

— Меня зовут Зигфрид, — сказал он, наливая вино в две чаши. — Я главный здесь. А тебя зовут Ингвар. Так? — Он протянул чашу. — Откуда ты знаешь моё имя? — спросил он. — Я ни с кем не говорил. — Ты во сне говорил, — усмехнулся Зигфрид. — Много. Про жену. Про сына. Про лес. Про них. Ты — плохой шпион. Но хороший человек. Имя твоё — северное. Ютланд? Твой отец — от туда?

— Да, — кивнул Ингвар. — Он ходил в набеги на Туманный Остров. Погиб в битве за Хейлсберг.

— Хм, — Зигфрид сделал глоток. — Я знал таких. Сильных и гордых, до жути упрямые...

Вино было тяжёлым, тёмным, как смола. Ингвар чувствовал, как оно разливается по жилам, как тёплый яд. Голова закружилась. Сердце — успокоилось. А в душе — вспыхнула тоска.

— Зигфрид... — начал он. — Почему я здесь?

Ты бежал, — тихо сказал Зигфрид. — от кого кстати ты убегал?

— На мою деревню напали, — прошептал Ингвар. — Убивали всех без разбора, все что успел сделать, только бежать, а кто это был и зачем, только догадываться могу.

Зигфрид выпил из чаши и распрямился.

— Я знаю, кто это сделал.

Ингвар замер.

— Мы осаждаем замок Шевалье, — продолжил вождь. — Они знали. Знали, что мы идём. Знали, что нас больше. И знали, что в открытом бою они проиграют. Поэтому они заперлись. А чтобы мы не смогли держать их в осаде — разграбили свои же земли. Чтобы мы не могли брать провиант. Чтобы мы голодали. Чтобы мы сломались.

Кулак Ингвара сжался. Глаза — налились кровью. Он был пьян. Но не от вина. От ярости.

— И твою деревню... — Зигфрид посмотрел прямо в глаза. — Они тоже достали.

— Видимо, — прошипел Ингвар.

— У нас не хватит провианта, — сказал Зигфрид. — Помощи не будет. Конфликты на севере. Бунты на востоке. Один выход — штурм. И ты пойдёшь с нами. Ты мой должник. А долги я не прощаю. Но ты сможешь отомстить. И перестанешь быть моим должником. Как тебе такой расклад?

Ингвар допил вино. Поставил чашу. Поднялся.

— С радостью, — сквозь зубы произнёс он.

— Тогда тебя отведут к остальным, — кивнул Зигфрид.

— Готовься. Скоро твой первый бой.

Ингвар шёл к выходу. Еле держался на ногах. Но внутри — горело.

— Надеюсь, не последний, — пробормотал он, так тихо, что никто не услышал.

Глава II: Ночь перед битвой

Факельные огни трещали, будто шептали проклятия. Каждый всполох — как крик, заглушённый в горле. Тьма вокруг лагеря была плотной. И в этой тишине, что давила на уши, как могильная плита, не было ни сна, ни покоя. Лишь напряжённое ожидание. Как перед ударом молнии.

Завтра утром решится кто будет править этими землями.

Никто не спал. Кто-то точил меч, не отрывая взгляда от лезвия, будто читал в нём свою судьбу. Кто-то пил — в одиночку, молча, как на поминках. А кто-то просто сидел, уставившись в пепел, впадая в отрешённое состояние, будто уже покинул тело, оставив его ждать смерти.

И среди них — Ингвар. Он сидел у края лагеря, спиной к шатру, лицом к лесу. Где-то там, за деревьями, было озеро. Где-то там — пирс. Где-то там — она. Он не знал, было ли это реальностью или сном.

Он вспомнил Зигфрида. «Ты пойдёшь с нами. Ты сможешь отомстить».

Да. Ради неё. Ради сына. Ради дома, сгоревшего в пламе-

ни.

И тогда он увидел Георга.

Того, кто первым протянул ему руку в этом лагере. Того, кто научил держать меч. За две недели он стал для Ингвара не просто проводником — он стал единственным другом. А в этом мире — это и есть сокровище.

Георг стоял у края лагеря, чуть дальше, у погасшего костра. Стоял, подняв лицо к небу. Не кричал. Не пил. Не точил оружие. Просто смотрел.

Ингвар подошёл. Хотел заговорить. Хотел услышать что-то простое: «Всё будет хорошо», «Ты выживешь», «Мы провёмся».

Но, приблизившись, он замер.

Георг стоял, как в молитве. Его лицо, обычно грубое, с резкими чертами, сейчас было... мягким. Глаза — полные звёзд. И в них — слёзы. Не от боли. Не от страха. А от красоты.

Он смотрел на небо, усыпанное звёздами, как на старого друга. И в этот момент он не был воином. Не был убийцей. Не был тем, кем его делала война. Он был просто слабым, хрупким человеком. Который знает, что завтра может не увидеть рассвета.

— А... и ты здесь, мой друг? — раздался его голос.

Он не обернулся. Продолжал смотреть ввысь.

— Тоже на душе беспокойно? — усмехнулся он. — Это нормально. Но, может, привыкнешь.

Он догадался. Знал, зачем Ингвар подошёл. Не ради разговора. А ради опоры. Ради того, чтобы услышать: ты не один.

— Да, — прошептал Ингвар, глядя в ту же сторону. — Странные ощущения. Никогда не испытывал таких. Такое спокойствие... что даже страшно. Как будто время замерло. Как будто весь мир затаил дыхание. И я... я не знаю, хочу ли я, чтобы оно снова началось.

Георг наконец повернулся. Улыбнулся. Но в улыбке — не было веселья. Только усталость. И понимание.

— Перед смертью не надышишься, — бросил он. Злобно, как удар, бросил он.

Он привык к таким словам. С самого начала Георг был таков — груб, резок, насмешлив. Он смеялся над новичками. Дразнил их. Вызывал на поединки. Но всегда, всегда поднимал того, кто упал.

Ингвар вспомнил первую их встречу. На следующее утро после разговора с Зигфридом. Он вышел из шатра, шатаясь от вина и усталости, и увидел его — Георга — стоящего с мечом в руке, как статуя. — Ну что, северянин, — сказал он, — хочешь выжить? Тогда учись драться. Или станешь кормом для псов.

И с тех пор — каждый день. Удар. Падение. Боль. Подъём. Ещё удар. Георг не жалел. Но и не убивал. Он формировал его. Как кузнец формирует меч.

— Ты думаешь, мы победим? — спросил Ингвар, не от-

рывая взгляда от звёзд.

Георг долго молчал. Потом вздохнул.

— Я не думаю. Я надеюсь. Но надежда — это не щит. Это просто... последнее, что остаётся, когда всё остальное кончается.

Он достал из-за пояса фляжку. Отпил. Протянул Ингвару.

— Пей. Завтра будешь благодарить.

Ингвар сделал глоток. Жёсткая водка обожгла горло. Но в груди стало теплее.

— Ты веришь в загробную жизнь? — спросил он.

— Не знаю, — честно ответил Георг. — Но если она есть... То я хочу, чтобы там было такое же небо. Только звёзды. И тишина.

Он улыбнулся. На этот раз — по-настоящему.

— А ты? — Я знаю, — прошептал он. — Она сказала: я с тобой. И я верю. Даже если это был сон... Он был правдой.

Георг кивнул. Больше ничего не сказал. Просто положил руку на плечо Ингвару. Крепко. По-мужски. Как перед битвой положено.

И они стояли так. Двое воинов. Два человека. Под одним небом. Под одной судьбой.

Факелы трещали. Ветер шептал. А небо смотрело на них, как мать — на своих детей.

Штурм

Арбалетный болт со свистом пролетел мимо уха и практически полностью вошёл в землю. Ингвар ошарашенный на

мгновение застыл. Но громкий рык командира быстро вернул его в реальность. И он вновь продолжил вместе со всеми толкать таран. Их засыпали стрелами со стен замка. Позади них штурмовой отряд двигался под прикрытием огромных щитов. Все ждали когда ворота раскроются и будет возможность ворваться внутрь чтобы сделать задуманное.

Перед боем Георг дал Ингвару ещё несколько наставлений, и намекнул что он весьма понравился Зигфриду а это бывает крайне редко.

Сам Зигфрид во время боя находился в лагере и руководил происходящим, он был головой этого войска и его потеря привела бы к дальнейшему поражению.

- Раскачивайте. Громко крикнул направляющий и раздался первый удар. Ворота слегка содрогнулись, но было видно что придётся хорошо потрудиться чтобы их выбить.

Воины с щитами начали стягиваться. Град стрел обрушился на них, некоторые падали раненые снарядами.

Удары громко разносились, они содрогали воздух. За воротами стала слышна громкая ругань, внутри уже ждали. Группы пехоты построились черепахой подняли щиты вверх, чтобы их нельзя было достать стрелами и стали стягиваться к воротам. Вдруг Впереди стоящий от Ингвара мужчина схватился за глаза и с диким воплем упал на землю. Ингвар с ужасом смотрел на него, он увидел что со стен льют кипящее масло и видимо оно брызнуло страдальцу прямо в лицо.

- Продолжайте работать ,не останавливаться ,навались. Кричали все остальные.

Вдруг полетели щепки ,стал виден большой просвет почти в человеческий рост ,за которым было видно толпу озлобленных мужчин . Отряд Зигфрида уже вплотную подошёл к стенам ожидая схватки. На людей они были не сильно похожи больше на озлобленных псов.

Брешь стала достаточно большой чтобы туда могли пройти несколько человек. К ней с обеих сторон сразу ринулись две толпы . В этот же момент со стен начались раздаваться крики ,начали падать арбалетки . Замелькала цвета багровых тонов.

Воины солнца быстро проломили оборону Шевалье отодвинув тех немного поодаль ,те выстроились в полукруг и не давая пройти дальше.

- Не стой столбом . Крикнул кто то ,сильно толкнув Ингвара в спину.

Ошарашенный Новобранец успел выхватить свой топор, это было единственное что ему дали, он понимал что ошибки ему не простительны , поэтому спрятавшись позади более опытных наёмников он двигался вместе с ними .Только что подошедшие воины со щитами, выглядит куда более бодро . Протиснувшись вперёд они выстроились в клин и начали продавливать Защитников крепости. Тем ничего не оставалось как оставить один заградительный отряд ,для содержания противника ,а всем остальным уйти во внутреннюю

часть замка. Ингвар краем глаза заметил , что вместе со своим отрядом , кто то, скидывал врагов со стен.

Воспоминание Георга.

После того как я выполнил поручение Зигфрида и мало мальски подготовил его соплеменника к дальнейшим действиям. Я вернулся к нему чтобы выслушать дальнейшие действия, он хотел мне изложить план, ещё когда мы только выезжали города , но что то его останавливало.

- А, Георг. Радостно сказал Зигфрид подходя и обняв своего верного друга.

- И я рад тебя видеть Зигфрид. Георг произнёс максимально спокойно на сколько он умел это делать.

В шатер вошло ещё несколько человек. Зигфрид встал перед ними в полный рост , он нахмурился и начал говорить.

- Все вы прекрасно понимаете что атака в лоб вызовет слишком много потерь. Мы одержим вверх но какой ценой. Нам нужно быть хитрее наших врагов. Бьерн, что с лазутчиков? Зигфрид опёрся руками на стол подавшись вперёд и кинул пристальным взгляд в сторону сухого высокого мужчины.

- Он уже несколько недель находится там , воинов у них предостаточно , в районе сотни может чуть больше. Почёсывая бороды произнес Бьерн.

- Хорошо, незаметно попасть в крепость можно? Спросил Зигфрид.

- Да , позади крепости есть небольшой проход, его сдела-

ли для того чтобы можно было незаметно сбежать в случае угрозы, по нему мы и пройдем.

Зигфрид злобно улыбнулся , ну чтож ,тогда вы знаете что делать дальше . Вы плените Шевалье ещё до того как наши войска возьмут эти стены штурмом.

...

Я поднялся почти на самый вверх башни,снизу доносились крики солдат что защищали крепость и не ждали нашего нападения. С улиц слышна была суэта ,все были в панике бежать им было некуда . подойдя к массивной двери из чёрного дерева . Я выбиваю ее с ноги,моему взору предстают несколько человек защищённые кирасами ,открыты только шея и несколько сухожилий.

На лице Георга проступил оскал что напоминал улыбку безумца окинув из подлюбья их своим диким взглядом он вытащил оба меча , они были средней длинны ,рукояти были оплетены кожаными ремешками и украшены рунами.

Сделав пару шагов на встречу воинам ,он начал крутится и носить смертоносные удары ,со стороны это напоминало бешеный танец который он оттачивал годами ,первые два защитника упали ,даже не поняв что произошло. Ещё трое стали отступать назад, один из них с крикам бросился вперёд надеясь сбить с ног Георга ,толкнув его щитом,но тот уклонился в сторону ,и успел вонзить меч в шею ,он с грохотом упал на землю . Георг остановился и смотрел на оставшуюся пару , он выглядит как хищник что загнал добычу в тупик и

той никуда было бежать. Жертвы понимали это и в надежде на спасение встали на колени склонив перед ним головы . Не долго думая амбидекстр казнил их .Быстрым и тяжёлым шагом отправился вперёд по коридору . Его черный плащ был обогрен кровью, не встретив больше никакого сопротивления он вошёл в покои .

Он предстал перед Георгом в богато украшенной одежде, кафтан его украшен синими и белыми полосками, эти же цвета изображены на его гербе. Шевалье сидел за дубовым столом и с удивительным спокойствием смотрел в окно.

- Все кончено. Угрожающе произнёс Георг.

- А вот и ты, буду честен я ждал кого то менее жуткого, и думал что придёт несколько человек. Не посчитай за грубость но ты больше похож на безумца чем на солдата. Произнёс Шевалье сидя за столом ,наблюдая на то как люди Зигфрида уже проломили проход и медленным потоком заполняют улицы.

Шевалье увидел что Георг продолжает подходить к нему, осталось буквально несколько шагов. В это же время оставшая группа вломилась в покои.

Георг ташил по замку связанного шевалье ,из рта его брызгала кровь ,один глаз его был не способен видеть . Шевалье был так покалечен что только ждал своей смерти.

Когда главная штурмовая группа отодвинула от замка и прилегающей площади защитников ,то Георг вместе с местным лордом вышел на эшафот

Защитники крепости с обомлевшим видом смотрели на это.

Георг начал говорить.

- Вы проиграли , ваш лорд сдался нам , он предал настоящего короля и за это его ждёт суд. Вы же ещё можете сохранить свои жизни если сложите оружие и прибегнете на верность новому правителю Генриху. Он дарует вам жизнь и возможность сражаться под его знаменем.

Часть воинов стала бросать оружие и с поднятыми руками, опустив свои головы стали идти к воротам. Однако большой отряд, начал двигаться в сторону городских казарм, тот район ещё не был захвачен .

Наступил вечер ,по улицам шлялись пьяные воины ,праздновавшие свою победу.

Ингвар шёл вместе с Георгом и Зигфридом . По его глазам было видно что он ещё не отошёл от своего первого боя.

- Ну как тебе ? Хлопнув Ингвара по плечу, с громким смехом поинтересовался у него Зигфрид.

- Нор.. нормально, все хорошо. Его голос был подавлен . злые мысли не давали ему покоя.

Георг смог пленить Шевалье, но этим он спас кучу жизней. Зигфрид въехал в крепость облаченный лишь в кожаный плащ , на бедре его свисал меч , рукоять его была обвита кожаным ремнём. Зигфрид отдал приказ о зачистке всех зданий, кроме казармы ,в которой засели не покорившееся воины . Так же, у войска было три дня на разграбление. Но

перед этим нам предстояло зайти в каждый дом и выбить от туда всех кто мог сопротивляться. Зайдя в один из домов, отряд разделился. Ингвар услышал тихий детский плач из комнаты на втором этаже, приоткрыв дверцу, он сразу захлопнул ее ,пытаясь перевести дыхание успел увидеть лишь три тела, один из них был нашим. Не смел, но он все же открыл дверь. Плач доносился из этой комнаты ,но как только он вошёл, плач вдруг утих.

В комнате было все перевернуто. На полу мертвой хваткой вцепившись друг в друга ,лежали двое мёртвых мужчин , из живота каждого торчало лезвие , они умерли в борьбе. Подняв голову, Ингвар обомлел ,на настенном подсвечнике висела женщина кто то с силой толкнул ее и она головой уткнулась на него. Из рта ее капала кровь . Ингвара начало бросать в дрожь ,голову начала сверлить мысль ,что он должен был остаться там, со своей семьёй ,должен был защитить их. Но он сбежал, они погибли из за него, он во всем виноват. Вдруг в углу ,возле поломанного стола он заметил,что кто то копошился, заглянув туда кухнec увидел малыша . Он смотрел на солдата перепуганными глазами и не издавал не звука , и хотя на вид ему было года 4 ,более сурового взгляда трудно встретить в жизни. Он понимал что Ингвар был один из тех кто сделал это с его родителями. Поднял его на руки и понёс к выходу. Мальчик не сопротивлялся , он лишь смотрел куда то вдаль .

Глядя на сожженные дома , в голове у Ингвара крутилась

только одна мысль : зачем это все?

Быстро вернувшись в реальность, он решил отнести мальчика Францу.

Все собрались у казарм, это был последний оплот обороны замка, замок, который пал, большое трехэтажное здание обложили соломой. А вокруг туда сюда бродили караулы, не позволяя никому выйти из здания.

Зигфрид вышел перед всеми.

- Они выбрали свою дорогу, они решили умереть за предателя и они поплатятся за это. Слава истинному королю, слава Генриху !!!

Последнюю фразу толпа словно заколдованная начала скандировать.

Зигфрид выхватил из рук, рядом стоящего стражника факел и кинул его в дом.

Пламя пылало пол ночи, крики от туда доносились ещё пару часов после того как здание вспыхнуло.

...

СОН

Длинной, извивающейся змеей растянулась армия по пыльным дорогам, ведущим сквозь мёртвые леса и выжженные поля. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в багряные и серые тона, будто небеса истекали кровью. Воздух был густым, пропитанным запахом пота, железа и недавнего дождя. Все вокруг были веселы, смеялись, шутили, будто не ведали, что война — это не только победы, но и тени, что

цепляются за пятки и тянут в бездну.

Ингвару выдали коня — костлявого, но выносливого вороного жеребца с мутными глазами. Он ехал между Георгом и Зигфридом, двумя ветеранами, чьи доспехи были покрыты царапинами, как памятью о прошлом. Они знали, что Ингвар — всего лишь простой кузнец, что из него толку в бою — разве что как живой щит. Но, к его удивлению, они держали его при себе. Не от жалости, нет. Скорее, как будто чувствовали — в нем есть что-то, что не укладывается в рамки профессии или звания.

Обернувшись, Ингвар увидел Франца. Он сидел на кибитке, ведя повозку с припасами и ранеными. Его белый халат был заляпан грязью и пятнами. Доктор курил трубку, дым из которой извивался в воздухе, как призрак.

— Франц, — окликнул его кузнец, подъезжая ближе. — Я совсем забыл... отблагодарить тебя. За то, что спас меня. Он обернулся, и в его глазах мелькнула усмешка.

— Пожалуйста, — хмыкнул он, выпуская дым. — Это моя обязанность. Не более. На удивление, ты быстро поправился. При таком отравлении, как у тебя, обычно лежат неделями, а то и умирают в бреду.

— Слушай, — сказал Ингвар, — а где тот ребёнок, которого я тебе принёс? Что с ним?

Франц замолчал. На его лице появилась тень — не грусть, не усталость, а что-то более глубокое. Потом он улыбнулся. И в этой улыбке было столько доброты, что Ингвар впервые

усомнился — как такой человек оказался в этой армии, среди убийц и мародёров?

— С ним всё хорошо, — тихо произнёс он. — Сейчас спит. Лучше его не будить. Он потерял родителей. Если хочешь увидишься с ним, когда остановимся на ночлег.

— Спасибо, — сказал Ингвар.

— Тебе спасибо, — ответил Франц. — Если бы не ты — он бы остался там. В том разрушенном доме. Под обломками. Как ещё одна цифра в отчёте.

— Франц... — я задумался. — По тебе совершенно не скажешь, что тебе место здесь.

— В каком смысле?

— Ну... ты не похож на злобную бойцовскую собаку. Ты добрый. Слишком добрый для этого места.

— А, — доктор рассмеялся, но смех был тихий, с горечью. — Да, то, чем они занимаются, мне совершенно не по душе. Но я здесь не ради войны. Я здесь ради тех, кого можно спасти. За эти дни я помог выжить почти полусотне человек. А это значит — у них будет шанс жить дальше. Шанс грешить, смеяться, любить... во благо короны. Или вопреки ей.

— Ты любишь делать добро? — спросил кузнец, будто пытаясь понять сам себя.

— Именно, — ответил он, и в его глазах блеснуло что-то тёплое. Потом он снова отвернулся к дороге, устремив взгляд вдаль.

Ингвар вернулся к Георгу и Зигфриду. Ветер поднял

пыль, и она, как призрачная пелена, закрыла горизонт.

— Слушай, скоро доберёмся до базарного города, — сказал Георг. — Можешь, конечно, ночевать в палатке, как все. Но думаю, ночь будет ледяной. Ветер уже режет, как нож.

— На что ты намекаешь?

— Пенёк ты, пенёк, — фыркнул Зигфрид, качая головой. — С нами в трактир пойдёшь. Или думал, я своего земляка брошу на произвол судьбы? — Он улыбнулся, и в этой улыбке сверкнули зубы, острые, как у волка. — Ночь будет долгой. А выпивка — горячей, чем твои воспоминания.

Их новый спутник кивнул, но в груди уже сжималось предчувствие.

Темнота. Ингвар открыл глаза — и понял, что не может пошевелиться. Тело будто приковали к кровати невидимыми цепями, скованными изо льда и воспоминаний. Он лежал на правом боку, смотрел в центр комнаты, где на полу лежал ковёр, давно превратившийся в серую тряпку, испачканную чём-то тёмным, что медленно растекалось, как живое. Воздух был тяжёлым, застоявшимся. И в нём — запах. Сладковатый, гнилостный. Запах смерти... и чего-то ещё. Чего-то знакомого.

— Папа... Папа...

Голос. Детский. Тонкий, дрожащий. Мой сын. Ингвар.

Ингвар попытался закричать, позвать его, но горло будто сдавили невидимые пальцы. Лишь мычание вырвалось из груди. Он смотрел в угол комнаты, где стояла тень. И из неё

медленно, как будто сквозь воду, вышел он.

Его сын.

Но не тот, каким он его помнил. Его лицо было бледным, почти прозрачным. Глаза — ввалившиеся, как будто кто-то высосал из них жизнь. Кожа обтянула скулы, как пергамент. На голове — клочья волос, запекшиеся в корку. Он стоял босиком, в рваной рубашке, на которой темнели пятна, похожие на кровь.

— Папа... Ты убежал... — прошептал он. — Ты не защищал нас.

Первая слеза покатилась по его щеке. Но она была чёрной. Как смола. И когда она упала на пол — раздался шипящий звук, будто капля кислоты.

— Сынок... — попытался сказать Ингвар. — Прости...

Но сын уже шагнул в центр комнаты. И заговорил. Голос его стал громче, но в нём не было злобы — была боль. Глубокая, вселенская.

— Ты бежал. Когда дом горел. Когда мама кричала. Ты бежал, а мы остались. Ты мог спасти нас. Но ты выбрал себя.

Ингвар прикованный к кровати хотел кричать. Хотел рвануться. Но тело не слушалось. Только слёзы катились по его лицу, горячие, как раскалённый металл.

Вдруг — скрип. Дверь приоткрылась.

Лёгкие шаги. Плавные. Знакомые. Он знал их. Каждый шаг его жены был как музыка. Даже когда она шла по снегу, он не хрустел под её ногами — будто земля уважала её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.